

ЮРИЙ ГЛУХИХ

Горбатая братия

Юрий Глухих

Горбатая братия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22367443

ISBN 9785448356599

Аннотация

Книга посвящена отважным людям, влюблённым в горы. Главный герой – молодой человек, которого остро волнуют вопросы взаимоотношений в группе, команде единомышленников, где он стремится занять достойное место. Тяга к самоутверждению толкает его порой на весьма неординарные поступки. Но чего не сделаешь, когда на тебя смотрят друзья, а среди них та самая, которая тревожит душу больше всех.

Содержание

Пролог	5
Подготовка к походу	6
Жуткий сон	23
На подскоке	26
Тандыкуль	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Горбатая братия

Юрий Глухих

© Юрий Глухих, 2019

ISBN 978-5-4483-5659-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ясным утром в начале августа 1985 года наша команда, группа горных туристов из Риги, благополучно прибыла в столицу Таджикской ССР город Душанбе регулярным рейсом Аэрофлота. Всего каких-то пять часов полёта, и вот уже хмурая прибалтийская погода вспоминается как дурной сон, нам приветливо улыбается щедрое южное солнце, согревая своими ласковыми лучами. Становится даже жарко. У всей горбатой братии, как шутливо называют себя горные туристы, приподнятое настроение от радужных перспектив и вполне обоснованных надежд на скорые романтические приключения. Идиллическую картину слегка омрачает лишь одно весьма неприятное обстоятельство: рюкзаки, которые мы только что получили в багажном отделении, кажутся просто неподъёмными, не представляю, как мы потащим их в гору.

На горизонте призывно маячат белыми платочками ледников вершины Гиссарского хребта, но нам в другую сторону. Нас ждет Высокий Алай...

Подготовка к походу

Полгода назад в спортивной секции горного туризма Рижского Краснознамённого института инженеров гражданской авиации (РКИИГА), в котором я имел честь обучаться на втором курсе, стал формироваться план походов на предстоящий летний сезон. На общем собрании клуба туристов все потенциальные руководители объявили о своих намерениях вести группы по выбранным ими маршрутам определённой ими же категории сложности и стали формировать группы для заявленных маршрутов.

После участия в «двойке» прошлым летом меня, естественно, интересовали только маршруты третьей категории сложности. Район путешествия для меня большого значения не имел, так как кроме Кавказа, а точнее – Приэльбрусья – я ещё нигде не бывал, зато было огромное желание попасть в одну группу с друзьями, вместе с которыми уже ходил однажды в горный поход.

Особенно притягивала меня Алёнка Готовская, крепкая весёлая девчонка с неизменной обворожительной улыбкой на устах. Она была моложе меня на полгода и училась на пятом курсе Рижского государственного университета. Со своей подружкой-однокурсницей Любой Зайцевой она пришла в клуб туристов на год раньше меня. И лишь благодаря моей настырности (минуя «единичку», я в прошлом году напро-

сился пойти сразу в «двойку», бравирюя своим армейским опытом, хотя все два года служил на равнине) наши пути-дорожки пересеклись.

Мне импонировали смелость и выносливость Алёны, а её коммуникабельность была просто вне конкуренции. Общение с ней мне доставляло огромное удовольствие. Её неповторимая харизма и яркая внешность не оставляли равнодушным никого и, что скрывать, кружили голову не мне одному.

Алёнкина подружка Люба была само очарование (стройная, красива, величава), но вот в общении была не так открыта и доброжелательна. Иногда в разговоре с ней я чувствовал некий напряг. Буквально за полчаса до собрания, когда весёлая компания туристов, в которой из девчонок были только Алёна с Любовью, возбуждённо жестикулируя и нелепо кривляясь, неспешно перемещалась по улице в направлении института, Люба вдруг замедлила шаги и стала отставать. Я заметил это и исключительно из вежливости тоже притормозил чтобы не оставлять её одну, но в глазах Любы прочёл нескрываемое разочарование. Она явно рассчитывала на нечто другое. Впереди все парни вились возле Алёнки, как пчелиный рой вокруг матки, и этот весьма неприятный для Любы факт, несомненно, ущемлял её женское самолюбие. Навязываться не в моих правилах. Раз общество художника в моём лице её не устраивает, я быстро догнал остальную компанию и попросил подождать отставшую Лю-

бовь.

Дениса Сафонова я тогда знал не очень хорошо, но его открытый характер и потрясающее чувство юмора подкупали любого. Когда на общем собрании он заявил о своем намерении вести «тройку» на Высокий Алай, к нему тут же потянулись страждущие записаться в его команду. К концу собрания оформился костяк группы, куда вошли четыре человека из нашей прошлогодней «двойки»: я, Алёна Готовская, Люба Зайцева и Егор Большевец по прозвищу Большой.

Свое прозвище Егор оправдывал на все 100%. В свои двадцать лет он весил не меньше ста килограммов при росте немного выше среднего. Избыточный вес, конечно, осложнял ему походную жизнь, но жажда приключений тянула его в горы, как магнит. Егор, как и Алёна с Любовью, – коренной рижанин. Его родители, весьма влиятельные люди, дали сыну прекрасное воспитание. Но было в его поведении что-то такое детское, простодушное, не отягощённое жизненным опытом. По сути, он был ещё большим ребёнком. В феврале 1985 года Большой учился на четвёртом курсе механического факультета нашего института.

На том же собрании в группу Дениса Сафонова записался Виктор Васюков, аспирант РКИИГА, умный и веселый парень с огненно-рыжей кучерявой шевелюрой и конопатым лицом, одержимый романтикой горных путешествий. Витя, конечно, не был красавцем, но его вечно улыбающаяся физиономия излучала такой позитив, что на него невозможно

было смотреть без улыбки. Витя Васюков был физически крепким парнем и, безусловно, усиливал нашу команду.

Немного позже к нам присоединилась Вера Игнатьева, симпатичная девушка невысокого роста, студентка четвёртого курса РКИИГА. Вера училась на том же факультете, что и я, но общаться с ней раньше мне не доводилось. Игнатьева Вера отличалась скромностью и душевной теплотой и была очень ответственна. Недаром Денис Сафонов назначил её завхозом группы.

На стадии формирования команды между участниками группы распределяются основные обязанности: завхоз, примусник, ремонтник, фотограф, медик, хронометрист, ответственный за снаряжение. В своем первом горном путешествии я был примусником и прекрасно помнил, как провонял бензином к концу похода. На этот раз я напросился на должность ремонтника, а примусником назначили Егора. Медиком стала Люба, а хронометристом – Алёна. Виктор Васюков взял на себя обязанности фотографа. Отвечать за снаряжение Денис Сафонов решил сам.

В мае произошло событие, которое едва не поставило жирный крест на моих амбициозных планах летнего сезона. В республике проводилось крупномасштабное спортивное мероприятие «Весенний марафон». Планировались мас-

совые забеги на длинные дистанции, и маршрутно-квалификационная комиссия (МКК) института обязала всех претендентов на участие в летних категорийных горных походах от «тройки» и выше принять в них самое непосредственное участие. Мужчинам предстояло бежать пятнадцать километров, а женщинам десять. Желавшие могли выбрать дистанцию подлиннее, но таковых почему-то не нашлось.

За пару недель до этого мероприятия я переболел гриппом, но уже оклемался и чувствовал себя превосходно, по крайней мере, мне так казалось. При желании я мог легко уклониться от забега, причём на законных основаниях, но чувство коллективизма взяло верх, и на осмотре у спортивного врача перед предстоящим кроссом я умолчал о недавнем недуге. Знал бы я тогда, чем это для меня обернётся...

Было ясное солнечное утро. Спортивный праздник обещал быть впечатляющим. На общий старт вышли тысячи людей. В толпе царили эмоциональный подъем и соревновательный дух. Повсюду слышались шутки и смех.

Хлопок стартового пистолета, и первые ряды, куда затесались матерые бегуны, рванули со старта, а мы пока топчемся на месте. Постепенно толпа растягивается. Я начинаю кросс вместе со своими друзьями из турклуба. Ноги сами несут меня, и я легко обхожу многих на первом километре дистанции. Через десять минут рядом уже нет никого из знакомых. Выдержать бы такой темп, и результат будет превосходным.

Становится жарко. Кажется, зря я надел свой любимый анорак из плотного капрона. Он хоть и белого цвета, но совершенно не пропускает воздух. Ничего, прорвёмся...

Позади уже половина дистанции. Солнце палит нещадно, и это весной! Для Латвии редкий случай. Становится трудно дышать. Чувствую себя как в сауне. Солёный пот выжигает глаза. Мне бы остановиться, снять анорак и повязать за рукава вокруг талии, но я боюсь сорвать дыхание и надеюсь на русский «авось».

Бегу на автопилоте. В мозгу полный туман. Осталось уже немного, нужно дотянуть. Проклятая жара, дышать совсем нечем. Ноги налились свинцом и почти не слушаются. Замечаю, как меня обходят ребята, которых я обогнал ещё на первом километре...

Вот он финиш, совсем рядом. Последние метры даются особенно трудно. Чёртов анорак. Я в нем как в печке. И стянуть его не могу. Сил совсем не осталось. Я бегу в полузабытьи, едва передвигая ноги. Сто метров... Пятьдесят... Десять... Финиш. Я падаю и теряю сознание...

Очнулся в реанимации. Врачи говорят, у меня упало артериальное давление. Видимо, в условиях практически полного отсутствия вентиляции под палящим солнцем мой несчастный организм, ослабленный после гриппа, не вынес такого издевательства над собой и отказался безропотно служить своему хозяину. «Поделом тебе, безмозглый кретин», – мысленно ругаю я себя. В мозгу всплывают разные посло-

вицы, типа «загнанную лошадь пристреливают», но как-то не хочется примерять их к себе любимому. Однако иногда бывает полезно поразмышлять над собственной глупостью.

В больнице меня долго держать не стали. Анализы оказались в норме, и через несколько дней меня отпустили на все четыре стороны.

При выписке я спросил лечащего врача: «А спортом-то мне можно заниматься?»

– Каким? – насторожилась она.

– Горным туризмом, – стараясь соблюдать спокойствие, ответил я, а сам напрягся в ожидании сурового вердикта.

– Это что, альпинизм?

Слово «альпинизм» прозвучало как «преступление».

– Нет, что Вы, какой альпинизм, мы на вершины не ходим, – проникновенно заверил я врачу.

– А! Это типа прогулки в горах на свежем воздухе? Так это даже полезно. Гуляйте на здоровье!

– Спасибо, доктор! – я бурно выражаю свою радость.

Но радость была преждевременной. ЧП на кроссе имело широкий резонанс, и мои злоключения только начинались.

Ещё на первом курсе я записался сразу в две спортивные секции и умудрялся совмещать занятия тяжёлой атлетикой с тренировками в турклубе. Тренером по штанге тогда был

здоровенный мужик, любимой фразой которого было: «Кто весит меньше ста килограммов, тот не мужчина». А поскольку таких тяжеловесов среди студентов не было, то и проводил он занятия с откровенно скучающим видом. Ему было глубоко плевать на наши результаты. В секцию приходили любители покачаться, но, как правило, долго не задерживались.

В первом семестре второго курса у нас сменился тренер. Пришёл лысый коротышка в очках и первым делом поинтересовался, сколько нам лет и как давно занимаемся штангой. Узнав, что мне двадцать два года, разочарованно бросил: «Старый!» И всё же новый тренер относился к своим обязанностям серьёзно и следил за исполнением своих заданий даже такими бесперспективными типами, как я. А установки тренера были не детские, и результаты не заставили себя ждать. При моём «бараньем» весе 62 килограмма я приседал (и, естественно, вставал) со штангой 120 кг на плечах, толкал 90 кг и «рвал» (поднимал в рывке) 60 кг.

На первенстве института в феврале 1985 года я занял первое место в своём весе. Но это обстоятельство в расчёт не принималось. Когда тренер узнал о ЧП на кроссе, он дал мне от ворот поворот и распрощался со мной, не моргнув глазом.

Честно говоря, серьёзные занятия в двух спортивных секциях одновременно для меня уже были в тягость. Ежедневные тренировки изматывали, а скудное студенческое пита-

ние едва покрывало потраченную энергию. Необходимо было делать выбор, и случай сделал его за меня.

В турклубе ко мне отнеслись более снисходительно, и мои скромные успехи не стали сбрасывать со счетов. Все ещё хорошо помнили, как в марте я произвел фурор на соревнованиях по «пистолетику». На очередной тренировке руководитель спортивной секции Семён Агатов объявил, что будем сдавать зачёт, и взял всех на карандаш. Суть зачёта заключалась в том, чтобы сделать как минимум двадцать пар «пистолетом». Испытуемый поднимался на скамейку, приседал и вставал на одной ноге, потом на другой, и так двадцать раз. Следует отметить, что с заданием справились далеко не все, правда, некоторые индивиды делали 30 и даже 40 пар. Сам Семён Агатов, подавая пример, под общее ликование сделал 50 пар. Но рекорд простоял недолго. Вышел Коля Алфёров и показал народу, к чему следует стремиться – 70 пар! Вот он, настоящий рекорд! Коля снисходительно улыбается, уверенный в своей победе.

Подошёл и мой черёд. «Семьдесят – это круто!» – думаю я. Меня терзают сомнения: «Смогу ли повторить?»

Начинаю не спеша, настраиваясь на долгую борьбу с самим собой. Делаю «пистолетики» ритмично, не забывая про дыхание: сажусь на вдохе, встаю на выдохе. Когда количество пар достигает пятидесяти, народ оживляется и начинает скандировать: «Пятьдесят один! Пятьдесят два! Давай, Юра! Ещё!»

Я чувствую, что смогу, и продолжаю. И вот он, ласкающий слух, восторженный вопль: «Семьдесят!» Охваченный азартом спортивной борьбы, я продолжаю приседать. Счет не прерывается: «Семьдесят один... семьдесят два...» Мне уже самому интересно, сколько я смогу. Силы ещё есть. Я с благодарностью вспоминаю свои приседания со штангой.

После восьмидесяти пар народ в изумлении притих, а Коля Алфёров сожалеет вслух, что остановился на семидесяти, правда, как-то не очень искренне. Кто-то советует: «Да хватит уже...»

Я ловлю на себе удивлённые взгляды, и это добавляет мне сил. Мышцы ног задеревенели, налившись молочной кислотой, но я продолжаю.

– Девяносто! – ласкает мой слух разноголосый хор.

Неужели до ста дотяну? Теперь уже каждое приседание для меня, как подвиг. Я стискиваю зубы...

– Девяносто восемь! Девяносто девять!! Сто!!! – восторженный рёв сотрясает стены спортзала.

Всё! Я, счастливый, спускаюсь со скамейки...

Мышцы потом неделю болели, и я ходил так, будто у меня напрочь отсутствуют коленные суставы, но главное было сделано: никто даже не пытался повторить мой рекорд.

Денис Сафонов не ставил под сомнение мою физическую подготовку, но требовал справку от врача о том, что здоровье позволяет мне участвовать в горном походе третьей категории сложности. В этом не было ничего лично-

го, лишь суровые правила абсолютно для всех участников группы. Денис уже составил маршрут будущего путешествия и готовил заявку в маршрутно-квалификационную комиссию. МКК обязана рассмотреть заявку на соответствие установленным требованиям: установить соответствие маршрута заявленной категории, соответствие документально подтверждённого опыта руководителя и участников группы заявленной категории маршрута, проверить наличие справок о здоровье у всех участников, включая руководителя группы, и тому подобное. Если всё в норме, то МКК выписывает маршрутную книжку и выпускает группу на заявленный маршрут. В случае отсутствия справки о здоровье у кого-либо из участников МКК не имеет права утвердить его кандидатуру в составе группы. Вот почему мне позарез была нужна эта справка.

Предчувствуя нелёгкий разговор, я пошёл на поклон к спортивному врачу института Петру Ильичу Чайникову (не путать с Чайковским).

– Ба, какие люди! Минин, ты почему не предупредил меня, что переболел гриппом перед кроссом? – с порога «окатил меня холодным душем» Пётр Ильич, седой старичок в очках с козлиной бородкой. – Из-за тебя меня чуть на пенсию не выгнали!

– Да когда это было? Две недели до кросса. Я же уже был здоров! – оправдываюсь я. Но моё неубедительное блеянье его только распаляет.

– Здоров?! А кто к богу в гости ходил?! Тебя же, дурака, едва откачали! Я из-за тебя в тюрьме сидеть не хочу! – лицо старика багровеет, из глаз сыпятся искры. Видно, сильно ему досталось за выписанную справку о моей годности к забегу. Но всё же врёт подлец, клинической смерти не было. Я виновато молчу, всем своим видом выражая безоговорочное раскаяние. Терпеливо жду, когда Чайников выпустит пар своей вполне обоснованной злости.

– Чего пришёл? – медленно успокаиваясь, спрашивает врач.

– Пётр Ильич, простите ради бога! Больше не повторится...

– Ладно, чего хотел?

– Да в горы хочу в августе сходить... Подышать чистым воздухом... Дайте, пожалуйста, справку, Пётр Ильич! – сбивчиво излагаю я суть своего визита.

– Ты что меня за дурака держишь?! Ну и наглец! – глаза доктора наливаются кровью, он срывается на крик. – Пошёл вон, мерзавец!

Но я и не думаю сдаваться и тоже перехожу на повышенный тон.

– Я что, калека или заморыш какой? Мне при выписке из больницы лечащий врач сказала, что я могу ходить в горы!

– Вот пусть она и даёт справку! А ко мне через год придёшь! – свирепо отрезает Чайников.

– Пётр Ильич, родной, не губите личную жизнь! – бросаю

я последний весомый аргумент, умоляюще глядя врачу прямо в очки.

Чайников хоть и вспыльчив, но добр по натуре, и вовсе не злодей.

– Причём тут личная жизнь? – несколько сбавив тон, спрашивает он.

– Да девушка моя идёт в поход, – выдавая желаемое за действительное, говорю я, – мне позарез необходимо быть с ней вместе, иначе в одну группу больше не попадём. На следующий год она уже пойдёт в «четвёрку», а у меня за год от безделья все мышцы атрофируются.

– Я так и знал, что тут «шерше ля фам», – победоносно произносит врач и с усмешкой добавляет, – мышцы за год не атрофируются, а девушка, если любит, подождёт!

– Но...

– Всё! Разговор окончен! – грубо обрывает доктор, – через год приходи.

Я выхожу из кабинета несолоно хлебавши. И всё же Чайников подал неплохую идею. Лишь бы лечащий врач не отказалась от своих слов. Я сажусь в троллейбус и еду на другой конец города, чтобы броситься ей в ноги.

На этот раз удача не отвернулась от меня. Лечащий врач оказалась на рабочем месте и, внимательно выслушав мою просьбу, любезно согласилась выписать мне справку. Минут через двадцать я, рассыпаясь в благодарностях, держал в руках, как медаль за боевые заслуги, желанную справку, прав-

да, на латышском языке.

Денис был удовлетворён, только слегка удивился, почему справка выписана не спортивным врачом. Мне пришлось рассказать ему о своих мытарствах. Он слушал меня внимательно, и по мере приближения к счастливому финалу его лицо расплывалось в улыбке. Потом он одобрительно хлопнул своей пятернёй меня по плечу, отдавая должное моей смекалке, и похвалил за настойчивость.

В июне к группе присоединился старший брат Веры Игнатьевой Антон, энергичный красивый парень спортивного телосложения, ростом на голову выше своей родной сестры. Антон уже год как окончил институт и для участия в походе собирался взять отпуск. На этом формирование нашей группы завершилось.

Исходя из количественного состава группы, Вера готовила продуктовую раскладку (составляла меню на каждый день похода, учитывая необходимое количество калорий, и рассчитывала требуемый запас продуктов питания), а Денис подбирал групповое снаряжение. Обе задачи решались с большим трудом: с продуктами в стране была напряжёнка, а со снаряжением (как личным, так и групповым) дела обстояли ещё хуже. Туристы выкручивались, как могли. Не буду вдаваться в подробности, описывая все трудности подго-

товки к путешествию. Плохо ли, хорошо, но к назначенному сроку всё было готово.

Я подготовил ремнабор, Люба – аптечку, Большой привёл в полный порядок два видавших виды примуса «Шмель». Продуктовая раскладка, как обычно, претерпела небольшие изменения в зависимости от того, что сумели «достать». Денис Сафонов, как заботливый командир, сделал всё возможное и даже невозможное, чтобы экипировка группы была на достаточно высоком уровне.

Отличительной особенностью нашего общественного снаряжения была самодельная шестиместная палатка из парашютного шелка со звучным названием «Корова». Какой остряк её так окрестил, история умалчивает, но имя приклеилось, и все туристы её только так и называли. «Корова» представляла собой полуцилиндр с двумя входами с торцов. Форму ей придавали две алюминиевые дуги из составных элементов, которые продевались в пришитые по краям палатки узкие рукава и фиксировались веревочными оттяжками. Палатку без особого труда устанавливали два человека. Поскольку материал палатки легко промокал, то в комплекте с ней были тент и подстилка из толстого полиэтилена, которые не только спасали от дождя и влаги в почве, но и помогали сохранить тепло. «Корова» была очень легкой и этим выгодно отличалась от брезентовых палаток, которые иногда появлялись в продаже. К примеру, вторая наша палатка на двух человек весила едва ли меньше «Коровы».

Единственным, но весьма существенным недостатком «Коровы» было то, что парашютный шёлк впитывал влагу, как промокашка, и, что самое гнусное, нисколько её не задерживал. Даже в лунную ночь под тентом палатка намокала от конденсата, и к утру все вещи, что касались скатов, отсыревали. Намокший парашютный шёлк растягивался, и бока палатки обвисали. К утру «Корова» обычно худела. Справедливости ради нужно заметить, что и высушить палатку было несложно. Достаточно было снять утром тент, и на ветру парашютный шелк высыхал практически мгновенно, чего нельзя сказать о намокших вещах.

Денис, долговязый и худой, не питал нежных чувств к огромным тяжёлым рюкзакам и всячески стремился оптимизировать нелегкую поклажу туристов. «Корова» со всеми причиндалами была его личным изобретением и изготовлена своими руками. Кроме тента и подстилки, к палатке прилагались ковёр из стёганого синтепона и общий спальник, представляющий собой конверт из двух больших одеял на синтепоне, соединяющихся «молнией». Ковёр и спальник покрывали всю площадь палатки. Как говорится, всё гениальное просто: тривиальными и нехитрыми решениями Денис убил сразу несколько зайцев. Во-первых, в пересчете на шесть человек, на которых была рассчитана «Корова», была достигнута существенная экономия удельного веса и объема, приходящихся на одного человека, по сравнению с двухместной палаткой, купленной в магазине. Во-вторых, отбросив вся-

кие предрассудки и положила руку на сердце, признаем, что в общем спальнике всегда теплее, чем в индивидуальном. Даже последний ханжа придёт к такому выводу после ночёвки на леднике. Ну и последнее: ничто так не сближает, как тепло рядом спящего товарища, а лучше подруги, если, конечно, он (она) при этом не храпит под ухом.

Жуткий сон

Накануне вылета в Душанбе мне приснился жуткий сон. Я качусь в глубоком ледяном лотке в потоке обжигающей холодной воды с нарастающей скоростью, отчаянно цепляясь за скользкие неровности ледяного желоба, тщетно пытаюсь хоть как-то затормозить. Впереди слышен нарастающий утробный рев водопада. И вот она, трещина с огромной промоиной, как хищная пасть голодного дракона, заглатывает гигантскую змею ледниковой реки. Стремительный водный поток безжалостно бросает меня в чёрную бездну...

Я в ужасе просыпаюсь, ещё не веря, что удалось избежать неминуемой смерти. Всё тело, влажное от холодного пота, предательски трясёт мелкая нервная дрожь. Сердце, как задрогавший зверёк, пытается вырваться из грудной клетки. Что это было?

Медленно успокаиваясь, восстанавливаю в памяти в мельчайших подробностях картину прошлогодних событий. Наша группа заканчивает поход второй категории сложности в районе Эльбруса. Уже пройден последний перевал «Эхо войны», кажется, все трудности позади, и мы идем по леднику Чиперазау, держа курс на посёлок Терскол, конечный пункт маршрута. Нас девять человек. Первыми идут Толкун Батыров и Антон Семёнов. Эти «лоси» уже второй месяц в горах, присоединились к нашей группе после окончания

смены в альплагере Баксан. Им не терпится спуститься вниз. Егор Матвеев, наш командир, едва сдерживает их мощную энергию.

Неожиданно мы становимся свидетелями уникального природного явления. На небе ни облачка, что на Кавказе бывает крайне редко. На жарком солнцепёке открытый ледник интенсивно тает. Под ногами бегут обильные ручьи, вытачивая на лице ледника глубокие морщины. Сотни ручьёв, сливаясь, образуют уже серьёзные препятствия в виде глубоких желобов, наполненных ледяной водой. Мы идём в кошках, перепрыгивая через эти препятствия. Поскольку ледник открытый, то верёвки лежат в рюкзаках. Впереди промоина уже внушительных размеров, но Толкун с Антоном, не задумываясь, перепрыгивают через неё. Мы подходим и останавливаемся. Мощный ручей выточил в леднике широкое русло с абсолютно гладкими бортами приличной глубины, по которому несётся бешеный поток талой воды. Я трезво оцениваю свои возможности и подозреваю, что станковый рюкзак за моими плечами, ужасно сковывающий движения, не позволит мне перепрыгнуть канаву в этом месте. В этот момент я вижу, как Алёнка Готовская разбегается и прыгает изо всех сил. Она чуть не срывается, но крепкие руки ребят на той стороне подхватывают её и помогают подняться. Я изумлен: девочка прыгнула, так неужели я не смогу?

«Ты должен прыгать! Ты же не трус!» – мысленно уговариваю я сам себя. А внутренний голос шепчет: «Ни в коем

случае! Ты не допрыгнешь!» Обстановку разряжает команда Матвеева: «Идем в обход!»

– Я прыгну, – говорю я вслух, будто продолжая внутренний спор с самим собой.

– Что за дела! – орёт на меня Егор Матвеев – Я сказал – в обход!

Командный голос приводит меня в чувство, и я, подчиняясь, иду за командиром. Мы возвращаемся и обходим опасное место справа, легко перепрыгивая через небольшие ручьи. Вскоре арьергард соединяется с авангардом, и вся группа в сборе продолжает свой путь к Терсколу.

«К чему этот сон?» – гадаю я, лёжа в кровати, вдруг ясно представив себе печальные последствия своего необдуманного решения прыгать. Спасибо отцу-командиру, что уберёт меня от рокового шага.

Так всё-таки что же это было? Ночной кошмар или вещий сон? Быть может, это предупреждение о грозящей опасности, посланное мне свыше? Меня не покидали тревожные мысли...

На подскоке

Мы довольно бесцеремонно расположились на большой поляне возле аэропорта Душанбе. Денис забрал у всех паспорта и отправился с Антоном штурмовать авиакассу, чтобы купить билеты на рейс в Джиргиталь. Остальные в ожидании уселись на рюкзаки.

Мне любопытно наблюдать за девчонками. Они, как сговорились, одеты в обтягивающие спортивные штаны, подчёркивающие стройность ног, и футболки с коротким рукавом. На ногах, как и у всех нас, тяжёлые горные ботинки, которые мы напялили перед вылетом, чтобы не переплачивать за багаж. Алёна начинает переобуваться, и все, как по команде, следуют её примеру. Я тоже сбрасываю тяжесть с ног и надеваю лёгкие кроссовки.

Моё внимание привлекает Любовь, которой не терпится сменить бледный цвет кожи на смуглый загар. Она забавно подставляет своё лицо под ласковые лучи солнца, и я не могу сдержать улыбки. Такая поза головы у меня ассоциируется с армейской командой: «Смирно! Равнение на середину!»

Денис вернулся и сообщил, что у кассы полно народу, и нам предстоит длительная осада.

– Будем дежурить у кассы по очереди, – заключает Денис, – Антон стоит первым, Большой, смени его через полчаса.

Егор кивает головой и подносит к глазам «командирские» ручные часы, засекая положение стрелок на циферблате.

– Тогда не будем терять время! – Строгим голосом, не терпящим возражений, заявляет Вера. – Вытряхивайте рюкзаки! Буду проводить ревизию продуктов.

Продукты питания – это святое. Все послушно опорожняют свои рюкзаки и стаскивают харчи в одну кучу на полиэтиленовый тент, постеленный в тени разлапистого дерева.

Ярко светит солнце. На небе ни облачка. Скоро станет совсем жарко, и тень как нельзя кстати.

– Сало и масло укройте чем-нибудь, – командует завхоз и с деловитым видом достаёт безмен.

Все продукты взвешиваются и расфасовываются по заранее заготовленным хлопчатобумажным мешочкам. Вера подписывает каждый мешочек и делит учтённые продукты на две неравные части, делая записи в тетради. Большая часть продуктов пойдет в заброску, а остальная – на первый этап похода, так называемое акклиматизационное кольцо.

Пока Вера занимается учётом продовольственных запасов, Денис проводит ревизию общественного снаряжения. В основном у него уже всё взвешено и посчитано. Для полной картины не хватает лишь отдельных деталей.

– Юра, сколько весит твой ремнабор?

– Кило двести, – рапортую я.

– Скока? Скока? – Денис округляет глаза. – Ты что, ремонтную мастерскую захватил?

– Обижаетесь, начальник! – я искренне удивляюсь. – Только самое необходимое. А сколько он должен весить?

– Максимум килограмм.

– Да у меня одни пассатижи на триста грамм тянут! А ещё шило, бокорезы, ножницы, ЗИП для примусов... – перечисляю я.

– ЗИП для примусов тоже у тебя? – смягчается командир, – тогда понятно. Но пассатижи можно было взять и полегче, а ножницы есть в аптечке. В горах каждый грамм на счету!

Немного поразмыслив, скрепя сердце, Денис делает пометку в своем блокноте.

– Пусть будет кило двести.

Пронесло, облегченно думаю я и с живым интересом наблюдаю, как Денис пытается медика, фотографа и примусника. Каждый отбивается, как может. Меньше всего повезло Любе. Она вытаскивает аптечку для досмотра. Денис критически осматривает довольно пухлую дорожную аптечку и безжалостно сокращает её содержимое.

– У нас тут не полевой лазарет, – издевательски улыбается командир и поучительно добавляет. – К чему такие запасы таблеток? Достаточно по одной пластинке каждого препарата. Главное, чтобы было чем мозоли лечить и, не дай бог, травмы! А таблетки мы загоним аборигенам.

Оскорблённая в лучших чувствах, Люба надулась, как мышь на крупу, но молчит, не возражает. Командир старше

нас и уже имеет приличный опыт. Ему за тридцать, а всем остальным нет и двадцати пяти. Для нас он непререкаемый авторитет, поэтому все его распоряжения выполняются беспрекословно. А кроме того, все мы прошли через посвящение в туристы, когда на ежегодном мероприятии в Силциемсе, где на заветной поляне в лесу собирается турклуб РКИ-ИГА в полном составе, все новички торжественно клянутся соблюдать УСТАВ. И первый пункт УСТАВА гласит: «Командир всегда прав!». А второй: «Если командир не прав – смотри пункт первый!»

Большой уже сменил у авиакассы Антона, а Виктор – Большого. Подходил мой черёд, но мне повезло. Пришёл Егор и сказал, что очередь в кассу рассосалась.

– Большой, остаёшься на хозяйстве, остальные за мной! –скомандовал Денис.

Все поспешили к кассе. Формально билеты мог взять и один человек, но лучше перестраховаться от всяких недо-разумений. Как говорил известный персонаж из кинофильма «Белое солнце пустыни»: «Восток – дело тонкое...»

Наши страхи оказались беспочвенными. У нас на руках билеты на АН-2, и вылет через полтора часа! Все вернулись к нашему табору на солнечной лужайке и стали поспешно собирать рюкзаки.

Кто не летал в горах на АН-2, многое потерял. Ощущения, когда «Кукурузник» попадает в воздушную яму и все внутренности пытаются выпрыгнуть наружу, я не забуду никогда! Хорошо, что наши желудки давно опустели. Иначе конфуза было бы не избежать.

В иллюминаторе горные хребты кажутся совсем рядом, и самолёт едва не касается их крылом. Но пейзаж, какой пейзаж, чёрт побери!

Через полтора часа после взлёта Ан-2 приземлился на аэродроме районного центра республики, посёлка Джиргиталь, что находится в долине реки Сурхоб на высоте 1800 метров над уровнем моря. Самостоятельно выгрузив из самолёта свою поклажу, мы первым делом отправились в ближайшую чайхану, перекусили шурпой с лепешками и вдоволь напились зелёного чая.

После обеда Денис отправился на телеграф отбивать телеграммы в контрольно-спасательные службы (КСС) Таджикистана и Киргизии о выходе нашей группы на активную часть маршрута (сообщения установленной формы о марш-

руте, количественном составе группы и контрольных сроках были отправлены в КСС по почте ещё в июле). Егор ушёл добывать горючее для примусов, а Виктор с Антоном занялись поиском подходящего транспорта до Тандыкуля. Остальные уселись на рюкзаках возле чайханы в тени высокого пирамидального тополя. Можно было бы прогуляться по посёлку, но командир приказал без нужды не разбегаться.

Девчонки трещат между собой о своём, о девичьем, а я по долгу службы с интересом рассматриваю их ботинки (опять надели их перед вылетом, чтобы не переплачивать за багаж, да так пока и не сняли), но взгляд то и дело скользит выше, на точёные ножки в обтягивающих трико с закатанными штанинами. Ну как можно думать о деле в таких условиях? Мужские ботинки меня интересуют куда меньше. Мужику, в случае чего, просто суну инструмент в руки, он свою обувь сам починит. Совсем другое дело – дамская обувь, особенно ботинки (в кроссовочках по камням долго не побегаешь: живо ноги в кровь сотрёшь). Уж если женские ботинки прохулятся, то отремонтировать их, как ни крути, придётся мне. У Веры и Алёны добротные альпинистские ботинки с подошвой «Вибрам» (у Веры совсем новые, аж зависть берёт), а вот Любина обувь наводит меня на печальные мысли: «Готовься, брат, к ремонту». Простые трекинговые ботинки с рельефной подошвой, рассчитанные максимум на пару горных походов. Она уже прошла в них «единичку» и «двойку», куда же ещё? Стоптаные, изрядно потёртые ботинки

явно просят на заслуженную пенсию.

Неподалёку от нас возле арыка расположилась группа туристов. По худым рюкзакам, заросшим щетиной щекам ребят и облупившимся носам нетрудно угадать, что они уже закончили свой маршрут и возвращаются домой. К нам подошёл старший группы, высокий белобрысый парень лет двадцати пяти, и поздоровался с нами. Оказалось, это москвичи, прошли «тройку» в том же районе, куда направляемся мы, и теперь планируют вылететь в Душанбе. Узнав, что мы из Риги, парень как-то снисходительно бросил: «А-а, прибалты!» Москвич явно кичился своей столичной пропиской и долго разговаривать с «провинциалами» не стал, вернулся к своим.

У арыка росли абрикосы, соблазняя пришельцев своими ароматными плодами. Кто-то уже успел поживиться и оборвал деревья. Абрикосы остались только над арыком и падали в воду от лёгкого прикосновения к стволам. Я с любопытством наблюдаю, как москвичи тщетно пытаются полакомиться спелыми фруктами. Но, как говорится, видит око, да зуб неймёт. Покружив вокруг деревьев, москвичи оставляют свою затею, посчитав её бесперспективной.

Вернулся Большой с канистрами, полными бензина. Он только что провернул выгодную сделку с местным водителем и сияет, как новенький медный пятак. Егор полон энтузиазма и жажды деятельности.

– А не поест ли нам фруктов? – вдруг спрашивает Боль-

шой, глядя на абрикосы, висящие над арыком.

– Москвичи уже пытались! – скептически замечает Люба, – наверное, до сих пор облизываются и слюни глотают.

– Ага! Сколько абрикосов впустую утопили! – подтверждаю я.

– Тут надо технически! – поднимет вверх указательный палец Егор.

Большой роется в своём рюкзаке и вытаскивает из него полиэтиленовый тент от палатки.

– Гениально! – восклицаю я. А девчонки хлопают в ладоши.

Все без слов поняли восхитительный замысел Егора и решили тут же воплотить его в жизнь. На глазах у изумлённых москвичей мы с Егором натянули тент над арыком, а девчонки бодренько стряхнули все плоды на полиэтилен. Вернулись к рюкзакам с гордо поднятой головой. Вся операция заняла не больше минуты.

– Какое элегантное инженерное решение! – восторженно отзываюсь я об умственных способностях товарища, уплетая за обе щёки спелые фрукты.

– Егор! Ты гений! – льстит Большому Алёна с набитым ртом.

– Голова! – откровенно восхищается Вера и впивается своими жемчужными зубами в сочную плоть абрикоса.

– А вы видели, как вытянулись лица москвичей? – смеётся Люба, отрываясь от поглощения сладких перезревших пло-

дов, – всё-таки здорово мы им утёрли нос!

– Это точно! – довольно улыбается Большой.

Пришёл Денис и торжественно заявил, что завтра кровь из носу мы должны выйти на маршрут: мосты сожжены, и отступать некуда (стало быть, телеграммы в КСС отправлены, и отсчет времени пошёл).

Антон с Виктором приехали на крытом грузовике. Без лишних слов мы быстро закинули рюкзаки в кузов и следом залезли сами. Денис, на правах руководителя группы, полез в кабину к водителю. Как говорил незабвенный Остап Бендер, «лёд тронулся...»

Мы едем по горному серпантину на бешеной скорости. Машину нещадно трясёт и раскачивает. Молодой водитель-таджик будто испытывает наши нервы на прочность. Ему нужно доехать до Тандыкуля и сегодня же вернуться обратно, вот он и лихачит. Благо, что на дороге практически нет встречных машин.

Незапланированная поездка в Тандыкуль для водителя неплохой случайный заработок. Таджик калымит в прямом и переносном смысле: вернулся из армии в прошлом году, планирует скоро жениться и зарабатывает деньги на выкуп невесты. Водила неплохо говорит по-русски, особенно когда ругается матом, вспоминая жадность будущего тестя. Он

охотно делится своими планами с Денисом, расхваливает невесту и жалуется на маленькую зарплату, прозрачно намекая Сафонову, что нужно быть щедрее. Не на того напал. Все его намёки Денис пропускает мимо ушей и переплачивать не собирается.

Вопреки жуткой тряске в кузове грузовика царит бесшабашное веселье. Антон, дурачась, запекает блатную песню: «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла...». Алёнка с Любашей, будто только этого и ждали, дружно подхватывают: «Гоп-стоп, ты много на себя взяла...». «Теперь расплачиваться поздно...», – поёт басом Большой, заглушая остальных. Вера молча отодвигается от них подальше.

– А ты чего не подпеваешь? – с улыбкой подкалываю я Веру.

– А я не такая!

– А какая? – удивляюсь я.

– А вот такая! – кокетничает Вера.

Мне смешно. Я тоже не большой любитель блатных песен Розенбаума. Мне больше по душе совсем другие произведения из его репертуара, но они не очень подходят для хорового исполнения.

– Гоп-стоп, смотри, не обломай перо... – тянет квартет, изображая из себя отпетых гопников.

Я вижу, как кривится Виктор (его интеллигентная натура не выносит такого изощрённого издевательства над собой), и заговорщицки подмигиваю ему: «А давай-ка, Витя, нашу

любимую. Вера, подпевай!»

– Если друг оказался вдруг... – начинаю я как можно громче.

– И не друг, и не враг, а так! – Витя всё понял без лишних слов и всецело поддерживает меня своим зычным голосом, не всегда попадая в ноты.

«Гопники» принимают вызов и переходят на ор, но в их компании нет единства. Большой вдруг осознаёт, что поёт совсем не то, что хочет, и замолкает, а без его баса хор «гопников» звучит не так грозно. Правда, присоединиться к нам с Виктором Егор тоже не торопится, опасаясь обвинений в измене.

Вера с изумлением смотрит на развернувшуюся баталию и, недолго думая, переходит на сторону любителей Высоцкого. Теперь уже два трио пытаются переорать друг друга.

Дуэль хоров продолжается недолго. Блатная песня скоро заканчивается, и Большой с чистой совестью подхватывает последний куплет произведения любимого автора.

– Если шёл он с тобой, как в бой... – ревёт его трубный голос, действуя на «гопников», как тяжёлая артиллерия. Наша компания торжествует!

– Значит, как на себя самого, положишься на него! – ставим мы жирную победную точку.

На самом деле Высоцкого любят все в нашей группе, и чтобы доказать это, Антон запекает: «Здесь вам не равнина! Здесь климат иной! Идут лавины одна за одной...»

На этот раз его поддерживают все без исключения.

Тандыкуль

Вечером группа прибыла в местечко Тандыкуль, известное своими горячими источниками, и поставила палатки на относительно ровной поляне подальше от посёлка. Посёлок – громкое название для нескольких убогих летних хижин, построенных из разнокалиберных кривых брёвен и камней. Зимой здесь вряд ли кто-то живёт. Возле построек толпятся прокопчённые на солнце чумазые ребяташки, с любопытством взирающие на пришельцев.

Пора готовить ужин, и Денис приступает к составлению графика дежурств. Он предлагает нам разбиться по парам. В обязанности дежурных входит приготовление пищи на примусах и помывка котлов после еды. Дежурить предстоит посуточно.

Я предложил Алёне дежурить вместе, но она предпочла компанию Сафонова. По большому счёту, после этого мне уже всё равно, с кем тянуть лямку дежурства, и я соглашаюсь с предложением Егора, тем более, что годом раньше в «двойке» мы уже дежурили вместе. Остальные распределились так: Антон с Любовью и Виктор с Верой.

После того, как график дежурства был составлен, Денис объявил, что дежурные будут вставать на полчаса раньше всех, чтобы своевременно приготовить завтрак, и поэтому, дабы не будить остальных раньше времени своей вознёй,

будут спать отдельно в двухместной палатке. Не могу сказать, что это заявление мне понравилось, но, поскольку никто из девчонок не возражал, то я не считал для себя возможным возмущаться по поводу соблюдения моральных устоев в коллективе. Все были люди взрослые и вполне отдавали отчет своим поступкам. Для любовной страсти уединение – условие необходимое, но не достаточное, как говорят математики. Конечно, уединение в отдельной палатке на всю ночь – идеальные условия для влюблённой парочки, но ключевое слово здесь «влюблённой». Так я мысленно успокаивал себя, но в голове роились тревожные мысли, и щемило в груди от недобрых предчувствий...

Первыми на дежурство заступили мы с Егором. Пока Большой заправлял примуса, я взял котёл и автоклав и сбегал за водой к ручью. Егор установил примусы на плоский камень вплотную друг к другу и развёл огонь. Когда обе горелки засветились ровным бледно-синим пламенем, я поставил на них автоклав и прикрыл всё сооружение стеклотканью, оставив лишь небольшую щель снизу для доступа воздуха. Так вода закипит быстрее. На ужин у нас будет гречневая каша с тушенкой и компот, а также овощи и лепёшки, которые купили в Джиргитале. Уже завтра о свежих овощах и хлебе придётся забыть до конца похода.

Пока мы с Егором готовим ужин, командир с завхозом занимаются подготовкой к заброске, активно привлекая к этому процессу всех остальных участников группы.

В первые дни горного похода у туристов проходит акклиматизация, которая часто сопровождается горной болезнью. Тут и тошнота (иногда со рвотой), и нехватка воздуха, и упадок сил. В общем, все «прелести» жизни.

Чтобы хоть как-то облегчить свои страдания во время акклиматизации, туристы стараются всеми доступными средствами уменьшить вес своих рюкзаков в этот период. Для этой цели на этапе планирования маршрута в продолжительном походе очень часто закладывается заброска. В начале путешествия предусматривается либо небольшое кольцо, позволяющее не брать с собой весь груз на период акклиматизации, либо радиальный выход из точки старта в промежуточную точку маршрута с поклажей (в основном, это продукты), которая потребуется только на заключительном этапе похода.

Естественно, маршрут с предусмотренной заброской не может быть линейным. Должно быть либо кольцо, либо полукольцо на первом этапе. Конечно, заброска, особенно во втором случае, связана с определённым риском. Бывали случаи у туристов, что заброску просто не находили, или находили, но в усечённом виде: зверье полакомилось, или кто-то из двуногих собратьев нашёл и решил пожить. Но если всё сложилось удачно, то выход к заброске – это момент неподдельного счастья! Обычно в этом месте туристы планируют днёвку, то есть закладывают резервный день на всякий случай, и если всё идёт по плану, то днёвка у заброски – это

заслуженная награда за успешное преодоление всех трудностей акклиматизации.

У нас в начале похода был запланирован радиальный выход, и в последний вечер перед стартом командир с завхозом делали контрольную сверку, всё ли учтено и промаркировано для заброски. Наконец-то ревизия завершена, и можно поужинать. В автоклаве уже давно томится каша, а в котле остывает компот. Я беру черпак и встаю на раздачу. Народ не спеша подтягивается, получает свою порцию каши в миску и присаживается у импровизированного стола. На ровной площадке аккуратно уложена моя полиэтиленовая накидка от дождя, на которой в крышке от котла лежат порезанные помидоры, а рядом небольшая горка лепёшек. Конечно, не дастархан, но завтра и это уже будет вспоминаться, как непозволительная роскошь.

Люба садится на «пендаль» (маленький пенополиуритановый коврик с резинкой, незаменимый элемент личного снаряжения, предохраняющий попу от переохлаждения на привале, а заодно служащий мишенью для всяких остряков) и выражает всеобщее сожаление: «Жалко, что не успели искупаться в горячих источниках».

Солнце уже скрылось за горой. Быстро темнеет, и становится зябко: какое уж тут купание.

– Ничего, завтра искупаетесь, когда вернёмся, – успокаивает командир, и добавляет с улыбкой, – если будете шевелиться, конечно.

– А за день управимся? – интересуется Антон, с набитым ртом.

– Должны. Участок ровный – беги, не хочу, – убедительно поясняет Денис. – Дежурные, подъём полшестого, остальных разбудите в шесть.

– Будет исполнено, шеф! – дурачится Большой и отдает честь с непокрытой головой.

– К пустой голове руку не прикладывают! – позволяю себе сделать едкое замечание (из всей нашей компании только я служил в армии). Мне совсем не хочется вставать в такую рань.

Допив компот, туристы разбредаются кто куда. А нам с Егором ещё мыть котлы. Я беру на себя эту мерзкую процедуру, а Большой получает у завхоза продукты для завтрака и идёт в двухместную палатку стелить постель.

Помыть котёл после компота – плёвое дело: зачерпнул воды, потряс пару раз и вылил. Всю жизнь бы так посуду мыл. А вот почистить автоклав после каши, да если ещё та пригорела – занятие не из весёлых. Приходится с песочком дно скоблить. Вода из ручья ломит руки от холода и заставляет делать перерывы. Ругая себя последними словами (сам виноват, не уследил за кашей), я терплю и продолжаю драить автоклав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.